

«КТО СПАСЕТ ОДНУ ЖИЗНЬ, ТОТ СПАСЕТ ВСЬ МИР».

из к/ф «Список Шиндлера»

ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ ИРЕНА СЕНДЛЕР

ОНА СПАСЛА
ИЗ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО
2500 ДЕТЕЙ.
О ЕЕ ПОДВИГЕ МОЛЧАЛИ
БОЛЕЕ 60 ЛЕТ...

НАГРАДЫ ИРЕНА СЕНДЛЕР:

- ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА (1965) -
- ОРДЕН БЕЛОГО ОРЛА (2003) -
- НОМИНИРОВАНА НА НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ МИРА (2007) -

Джек Майер

«ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ ИРЕНА СЕНДЛЕР»

...Воодушевленная спасением детей, Ирена решила продолжить делать то же самое. Нищие дети погибали десятками, и никому не приходило в голову искать их, когда они исчезали с улиц. Ирена со своими связниками нашли еще несколько опекунских семей и временных убежищ. Выводить детей через здание суда было несложно, и к началу весны Ирена стала забирать из гетто по три-четыре ребенка в неделю. Если с размещением ребенка в семье возникали сложности или проволочки, его забирали сестры из монастыря Сестер семьи Марии.

Но потом пришла беда. Одну из связных Ирены, 19-летнюю Хелену, арестовали с четырехлетним сиротой и не очень качественно подделанными документами. Как это случилось, никто не знал, но по одной из версий ребенок заплакал и позвал на идише маму. Оказавшийся рядом агент гестапо, проверив документы, засомневался в предъявленной *Kennkarte*. Ребенка отправили в Генсиувку, где он через несколько дней умер от дизентерии. Хелену же отвезли в Павяк.

Ирену охватил в ужас... да, смерть перестала быть явлением из ряда вон выходящим, но ей еще не приходилось терять своих людей. Все знали, чем рискуют, и шли на это. Но сколько знает Хелена? Не допускают ли остальные таких небрежностей? Можно ли на них положиться? Можно ли верить? Не было никаких сомнений, что гестаповцы сделают все, чтобы выжать из Хелены максимум информации.

Ирена обзвонила всех связных и приказала им прекратить работу и уничтожить все улики. Самые страшные, однако, хранились у самой Ирены. Это были списки спасенных детей, в которых вместе с их еврейскими именами указывались новые, арийские, — самый опасный, но и самый важный элемент их деятельности. Только Ирена и Яга знали, где они спрятаны, и по-настоящему понимали, насколько это важно. Прежде всего, зная адреса семей, взявших к себе сирот, можно было гарантировать им

ежемесячное пособие в 500 злотых. Немного, конечно, но на хлеб и сливочное масло с черного рынка хватало. Совсем бедным приемным семьям Ирена старалась выделять побольше, обеспеченные получали поменьше или вообще ничего. Но было у списков и другое назначение, может, и более важное. Ирена хотела, чтобы после войны спасенные дети смогли узнать свои настоящие имена и, возможно, воссоединиться с родителями или родственниками. Если же все их родные погибнут, по крайней мере, узнают, что были рождены евреями.

Ирена Шульц поначалу заспорила:

— Это просто ненужный риск. Они же сироты. У них нет родственников. А если эти бумаги найдут?

Ирена упрямо потрясла головой:

— У каждого человека есть право знать свое имя.

Тем не менее она, конечно, понимала, что списки могут стать расстрельным ордером не только для самих детей, но и для укрывающих их семей. Узнав об аресте Хелены, Ирена прибежала к Яге.

— Надо спрятать списки. Закопать... захоронить... так будет безопаснее всего. Может, зарыть их у тебя на заднем дворе?

Яга повернула голову и увидела, что их слушает стоящая в дверях комнаты Ханна.

— Ханна, иди наверх! Сейчас же.

Когда дочь ушла, Яга прошептала Ирене:

— Посиди, пока не заснет Ханна. Не хочу, чтобы она знала... на случай, если...

Заканчивать фразу не было никакой нужды. Если Ханна попадет в гестапо, немцы найдут средство выбить из нее информацию. Один из главных принципов подпольной работы гласил, что человек должен знать только то, что ему действительно необходимо для исполнения своих задач. Рассказать о том, чего не знаешь, невозможно было даже под пытками.

В полночь Яга зажгла карбидную лампу, и они с Иреной на цыпочках спустились по деревянной лестнице в сад. С собой они взяли лопату, большую ложку, кухонный нож и стеклянную банку. Спрятать списки они решили под любимой яблоней Яги. Лопатой копать оказалось слишком шумно, ее лезвие гремело, врезаясь в промерзшую почву. Ирена рыхлила землю ножом, а Яга потом вычерпывала ее ложкой. Наконец они сделали ямку, и Ирена

бережно опустила в нее стеклянную банку из-под молока со списками...

— Как часто нам придется ее выкапывать? — спросила Яга.

Ирена посмотрела на темное ночное небо. «Каждый месяц в новолуние». Она погладила рукой место, где они только что закопали банку, а потом сказала:

— Кроме нас с тобой, об этом не должен знать никто. Если банку найдут, детям конец.

Ирена очень беспокоилась за Хелену, представляя, через что ей сейчас приходится проходить и что она может рассказать немцам. Она сожгла несколько комплектов поддельных документов и стала дожидаться гестаповцев. Через два дня имя Хелены появилось на красном плакате со списками расстрелянных в Павяке людей. Увидев этот плакат, Ирена побыстрее выбралась из толпы и отошла в сторону, чтобы никто не видел ее слез. Она считала, что она, только она виновата в смерти Хелены. Она могла бы настоять, чтобы люди действовали осторожнее, добывали более качественные документы, но, ослепленная своим желанием спасти как можно больше детей, она стала забывать о безопасности и вести себя небрежно. Точные обстоятельства ареста Хелены были неизвестны, но почти с полной уверенностью можно было сказать, что подвалы здания суда в качестве дороги жизни и канала переправки контрабанды больше использовать нельзя. По словам Йозефа, на двери подвалов поставили новые замки, а на входе и выходе усилили охрану. Об этом канале спасения можно было забыть.

Подпольщики залегли на дно, но гестаповцы так и не пришли. Ирена решила, что Хелена либо ничего не рассказала немцам даже под пытками, либо успела принять капсулу с цианистым калием... Ирена снова начала каждый день ходить в гетто и проносить туда продукты, деньги и лекарства. Но теперь ей все время казалось, что за ней следят.

Работу возобновили спустя неделю после смерти Хелены. Через связных Ирена узнала, где из стены можно вытащить кирпичи, каких домовладельцев можно подкупить, чтобы они позволили сиротам пролезать через проломы в стене. Связные-евреи приводили детей в подвал и передавали их арийским «коллегам», а те доставляли ребенка во временное убежище. Фантазии и изобретательности этих людей просто не было предела. Один из сирот, Арон Стефанек, был таким худым, что его из гетто

смог вынести мужчина, отправлявшийся на принудительные работы. Мальчик вставил свои босые ноги в его сапоги, а руками ухватился за ремень. Застегнули пальто, и изможденный мальчик превратился в невидимку... Кого-то вывозили в мешках с мусором. Другим спасение являлось в виде грузовика, в котором из гетто вывозили трупы. И без того почти неотличимым от трупов сиротам давали снотворное, а потом укладывали в кузове среди мертвых тел.

Ну и, конечно, был санитарный фургон Антония Данбровского, один из нескольких гражданских польских автомобилей, которым позволялось въезжать в гетто с арийской стороны. Время от времени Данбровскому доводилось транспортировать заболевших или травмированных арийцев, работающих в гетто, функционеров из Юденрата или членов их семей и ближайших родственников, сумевших договориться о лечении за пределами гетто.

Ирена приходила в гетто раза по три в день навестить своих подопечных или встретиться с Евой. Как-то в конце апреля она зашла к Лее Куцык, у которой буквально умирала с голоду дочь Мина, которой не исполнилось и двух месяцев. С самого ее рождения Ирена еженедельно заходила к Лее в дом номер 14 по вечно кишащей беженцами Островской улице, приносила немного продуктов или денег. И без того истощенная Лея из последних сил пыталась выкормить Мину, но молока почти не было. Девочка стремительно теряла вес и уже не плакала, а лишь мяукала, как котенок. Ей срочно нужна была кормилица, но в гетто об этом не стоило даже и думать.

Но теперь у Леи поднялась температура и открылся жесточайший кашель. Это почти наверняка была пневмония... судя по всему, Лея не должна была протянуть и пары дней. Распеленав Мину, Ирена чуть не упала в обморок от ужаса. Сильно похудевшая за время, прошедшее с ее последнего визита, Мина превратилась в крохотный скелет, обтянутый морщинистой, складчатой кожей.

— Заберите ее! — сказала Лея. — Пани Сендлер, сжальтесь, заберите ее с собой.

— А где ваш муж?

— Они увели его... несколько дней назад... на принудительные работы... — Она заплакала. — Мне сказали, что обратно его лучше даже и не ждать.

Она подняла сорочку и показала Ирене свою иссохшую грудь.

— У меня нет молока. Возьмите ее, пани Сендлер. Ради бога, заберите ее, пока мы тут не умерли обе.

Ирена связалась с Антонием Данбровским... Это было для него и его санитарного фургона очередное «спецзадание». Антоний встретился с ней в конторе.

— У меня для вас, пани Сендлер, есть сюрприз, — сказал он, потирая в радостном возбуждении руки. — Там, в машине.

Фургон «Скорой помощи» стоял у тротуара, Ирена распахнула пассажирскую дверь и с криком отпрянула. В кабине сидела большая собака.

— Это моя деточка, ее зовут Шепси, — сказал Антоний. — Садитесь, пани Сендлер.

Он придержал перед ней пассажирскую дверь с обычным своим шутовским полупоклоном. Большая дворняга обнюхала Ирину с головы до ног.

— Это она с вами здороваётся, — сказал Антоний, выруливая на улицу.

— Зачем вы взяли с собой собаку? Лишнее внимание нам совсем ни к чему.

— Не беспокойтесь. Шепси — девочка талантливая и лучше всех дрессированная.

По дороге в гетто Ирена рассказала Антонию про Лею с Миной. Вскоре они остановились у дома Леи Куцык.

Лея настояла на том, чтобы Мину завернули в черно-белую отцовскую молитвенную шаль. Осторожно взяв девочку на руки, Ирена подумала, что свисающие по сторонам шелковые кисти выглядят неуместным украшением. Она всегда носила с собой маленький пузырек люминала, но Мину усыпить не решилась, боясь, что она просто перестанет дышать. Антоний раздвинул в кузове машины коробки с бинтами, ватой и прочими медицинскими материалами, откинул в сторону гору вонючего, заляпанного кровью постельного белья и открыл в полу небольшую нишу, куда Ирена аккуратно уложила девочку. Антоний закрыл нишу доской с насверленными в ней отверстиями и завалил тряпьем.

Когда они подъехали к воротам гетто, Ирена услышала слабый плач Мины. Если часовые обнаружат девочку, они просто придушат ее и бросят в мусорный бак.

К кабине подошли два немца и поляк-«синемундирник». Они что, глухие, затаив дыхание, думала Ирена, почему они не слышат писк Мины?

Еще до того, как немец приблизился к машине, Антоний похлопал Шепси по лапе — собака начала скулить и лаять. Ирена закрыла глаза и мысленно поблагодарила Бога... и Шепси. А та все шумела, и даже Ирена не могла понять, что она слышит: повизгивание собаки или плач обеспокоенного ребенка. Часовые проверили документы, а «синий мундир», испугавшись кровавых простыней и отвратительного запаха, мельком заглянул в фургон и тут же захлопнул дверь.

Один из немецких жандармов подошел к кабине со стороны Ирены и приказал Антонию приструнить собаку. Антоний просто пожал плечами. Молоденький немец с испугом на прыщавом лице вытащил свой «люгер» и направил в сторону собаки.

— Заткни своего пса! — сказал он.

Антоний обнял Шепси за шею и попытался зажать ей пасть, делая вид, что и сам искренне хочет, чтобы она замолчала. Но Шепси продолжала скулить, ерзая на сиденье и стараясь вывернуться из рук хозяина.

Немец зашелся от ярости и, выпучив глаза, направил пистолет на Антония.

— Заткни пса, или я пристрелю не его, а тебя.

Ирена ласково тронула его за руку и ласково посмотрела ему в глаза.

— Офицер, я вас умоляю, — невинным голосом сказала она. — Она у нас совсем еще молоденькая. Мы ее, конечно, дрессируем, но иногда она слишком нервничает.

Другой немец сказал юному жандарму что-то смешное, и тот, поколебавшись, убрал пистолет в кобуру и махнул рукой — проезжайте!..

На арийской стороне Антоний дважды похлопал Шепси по лапе, и она тут же смолкла. Ирена не сдержалась и обняла Шепси, а та принялась вылизывать ее лицо. «Наверно, ей понравился вкус слез», — подумала Ирена.

Джек Майер

«Храброе сердце Ирены Сендлер»

«Она, без сомнения, спросит Его:
«Господи, где Ты был в те ужасные
времена?»»

И Бог ей ответит: «Я был в Твоем сердце».
Шевах Вайс об Ирене Сендлер

Во время Второй мировой войны польская католичка Ирена Сендлер, рядовой социальный работник, создала подпольную организацию для спасения еврейских детей, обреченных на верную смерть за стеной Варшавского гетто. Рискуя жизнью, на дне сумки для инструментов она выносила малышей из гетто, а в задней части грузовичка у нее был мешок для детей постарше. Имя каждого спасенного ребенка Ирена вносила в список, чтобы после войны пристроенные в приюты дети смогли найти уцелевших родственников. Всего в списках числится 2500 имен.

Мир не знал о ее подвиге до тех пор, пока три школьницы из Канзаса не решили написать об Ирене доклад...

Древняя легенда гласит, что в каждом поколении на Земле есть 36 праведников, ради которых Бог поддерживает жизнь этого мира даже в самые варварские времена. Ничто не отличает их от простых смертных, и ни один из них не знает о том, что он таковым является. И это блаженное неведение заставляет всех нас стремиться жить так, как должен жить праведник.

Может, вы и есть один из 36?

1943 год, Варшава. В саду одного из частных домов под яблоней зарыта банка. В ней сложены второпях составленные списки с именами, датами, адресами... Всего около 2500 записей. Это имена еврейских детей из гетто.

Почти все они станут сиротами. После войны кто-то останется жить в Польше, но многих вывезут в Израиль. Кто-то будет помнить гетто всю жизнь, а кто-то даже не будет знать, что он еврей.

Все они должны были погибнуть: от голода, тифа или в концлагерях. Они спаслись вопреки всему. И благодаря отважному сердцу Ирены Сендлер.

«Некогда библейский Авраам просил разгневанного Бога пощадить и не разрушать Содом, если в нем остались хоть десять праведников... В самой этой просьбе содержится великий смысл: «Да пребудет этот мир, пока в нем существуют чистые души».

Надо с горечью признать, что истинно благородные, высокие люди встречаются в этом мире не так уж часто. Но — достаточно для того, чтобы он продолжал существовать, балансируя на тончайшей грани между бытием и забвением. Невероятные истории спасения евреев праведниками народов мира в годы того грандиозного Апокалипсиса, уничтожения целого народа, который человечество ныне называет Катастрофой, подтверждает это с пронзительной силой».

ДИНА РУБИНА

 LIVEJOURNAL™
рекомендует

